

Глава 20. Предел душевных сил

Дело Ху Гуанмина и Чжан Минь, тянувшееся так долго, благодаря удачному стечению обстоятельств сдвинулось с мертвой точки. Нин Сянлану до смерти хотелось разузнать все подробности, но судьба распорядилась иначе — пришло время возвращаться в школу.

Выслушав бесконечные напутствия Ху Линцуй, Нин Сянлан в одиночку сел в трамвай и покатыл навстречу новому учебному году — второму в его жизни «первому звонку».

Первая начальная школа Чэннань располагалась в на редкость удачном месте. Ее основатели когда-то проявили завидную дальновидность, зарезервировав под строительство огромный участок неподалеку от оживленной центральной площади Южного города. Благодаря этому школьная территория впечатляла своими масштабами.

Нин Сянлан спрыгнул с подножки трамвая и, поправив на плечах лямки ранца, направился к воротам. В этот самый момент у обочины затормозил автомобиль Су Вэньфэна, из которого как раз выбирался Толстяк Су. Вокруг машины мгновенно образовался затор из сотен заботливых родителей, привезших своих чад на линейку, — яблоку негде было упасть.

Машина Су Вэньфэна выглядела весьма презентабельно и выделялась даже на фоне других автомобилей, приковывая к себе любопытные взгляды. Едва выйдя из машины, Сяо Шэн с удовольствием грелся в лучах чужого внимания, пока не выхватил взглядом идущего от остановки Нин Сянлана.

Толстяк Су так и сиял от гордости. Он вприпрыжку подбежал к Сянлану.

— Сяо Лан, ты тоже здесь! — окликнул он друга. — А где дядя Нин? Почему он тебя не проводил?

— Я сам пришел, — отозвался Нин Сянлан. Заметив приближающегося Су Вэньфэна, он вежливо поклонился: — Здравствуйте, дядя Су.

Су Вэньфэн знал, что Нин Аньго воспитывает сына в строгости и приучает к самостоятельности. И все же то, что отец не пришел поддержать мальчика в такой важный день, наводило на определенные мысли о разнице в их характерах.

— Сяо Лан, присмотри, пожалуйста, за Сяо Шэном, — мягко попросил Су Вэньфэн. — Он у меня тот еще растеряха.

— Да кто растеряха-то! — возмутился Толстяк Су, обиженно надув губы. — Я вообще-то очень умный! И повыше Сяо Лана буду, так что это я его в обиду не дам!

Глядя на то, как усердно сын раздувает щеки, доказывая свою правоту, Су Вэньфэн не сдержал

улыбки. Он легонько потрепал обоих мальчишек по макушкам:

— Ну ладно, ладно. Внутрь я с вами не пойду. Держитесь вместе и помогайте друг другу.

— Договорились! Возвращайся на работу, пап, — хоть Сяо Шэн и приуныл, что отец уходит, но виду не подал, гордо выпятив грудь. Он скосился на запруженную автомобилями дорогу и ехидно прищурился: — Только, кажется, выбираться отсюда ты будешь до самого вечера!

— Ничего страшного, я отпросился на все утро, — улыбнулся отец.

— Ну, мы побежали! — Сяо Шэн ухватил Нин Сянлана за руку и потащил за собой, на ходу оборачиваясь и махая рукой на прощание.

— Идите-идите, только под ноги смотрите! Не опоздайте! — крикнул им вслед Су Вэньфэн.

Мальчишки ворвались в просторный актовый зал и быстро отыскивали строй своего класса. И хотя ребятам едва исполнилось по шесть лет, в их маленьком коллективе уже наметилось негласное разделение. Нин Сянлана, как круглого отличника, мгновенно окружили прилежные ученики, жаждущие дружбы с первым умником класса. А вокруг Толстяка Су, снискавшего славу главного сорванца, тут же сплотилась группка таких же непоседливых «оруженосцев».

Когда эти две компании сошлись лицом к лицу, атмосфера накалилась — отличники и хулиганы смерили друг друга враждебными взглядами.

Но для Нин Сянлана, прожившего взрослую жизнь и много лет проработавшего профессиональным телеведущим, уладить такую детскую размолвку не составляло никакого труда. Пара метких шуток, непринужденный разговор — и вот уже обе стороны, увлекшись болтовней, позабыли о разногласиях. Невидимый барьер между «ботаниками» и забияками растаял без следа.

Нин Сянлан подтолкнул локтем Толстяка Су, подначивая его навести порядок среди одноклассников. С его внушительной комплекцией, зычным голосом и умением строить грозные гримасы Сяо Шэн идеально подходил на роль командира. Мальчишка с энтузиазмом взялся за дело, и уже через пару минут хаотичная толпа первоклассников выстроилась в идеально ровную шеренгу.

Столь похвальная дисциплина на фоне общего шума и суеты привлекла внимание руководства школы. Выступая на сцене с приветственной речью, директор первым же делом отметил их класс. Стоило им вернуться в кабинет, как классный руководитель при всех осыпала Сяо Шэна похвалами. Под восхищенными взглядами одноклассников Толстяк Су окончательно возгордился и сиял от счастья, точно медный таз.

Наблюдая за счастливым другом, Нин Сянлан лишь тихонько улыбнулся. Он достал точилку и принялся аккуратно, один за другим, выводить грифели карандашей, раскладывая их по местам в пенале.

«А ведь у Сяо Шэна от природы задатки лидера, — размышлял он. — Если взяться за его воспитание сейчас, в будущей жизни он улетит гораздо выше и добьется куда большего, чем в моем прошлом».

Школьная программа первого класса наводила на Нин Сянлана смертную скуку. Поговорив с учительницей и сославшись на то, что он уже все знает, мальчик пересел за последнюю парту, где мог спокойно заниматься своими делами. Карьеру телеведущего в прошлой жизни он довел до пика, и повторять этот путь не имело смысла. Теперь, получив второй шанс, он твердо вознамерился исполнить заветную мечту: перенять мастерство дедушки Тана и стать выдающимся керамистом.

Его отец, Нин Аньго, на самом деле был родным сыном Старейшины Чу — главы влиятельного северного клана. В прошлой жизни, когда семейная тайна наконец раскрылась, старик посчитал, что родной сын, наотрез отказавшийся заниматься семейным ремеслом, и в подметки не годится приемышу Чу Бинхэ. Старейшина Чу во всем потакал приемному сыну, раз за разом нанося Нин Аньго глубокие душевные раны. Если бы не эта непрекращающаяся череда унижений и обид со стороны биологического отца, Нин Аньго, возможно, не сгорел бы так быстро и прожил гораздо дольше.

Всю свою жизнь отец мучился от горького осознания: ни родные родители, ни приютившая его семья так и не подарили ему искреннего тепла и любви.

И Нин Сянлан твердо решил: он превзойдет Чу Бинхэ в семейном искусстве, которым так гордился Старейшина Чу, и заставит их признать свое поражение.

Поддержка и инвестиции влиятельного клана Фу вкупе с его собственным упорством делали эту задачу вполне осуществимой. Он верил, что справится.

Уж в чем в чем, а в собственных силах он не сомневался.

Изготовление изысканного фарфора требует кристально ясного видения будущего шедевра. Мастер обязан до мельчайших подробностей представлять форму изделия под любым углом.

Этим Сянлан и занимался на уроках: он бесконечно набрасывал на бумаге очертания классических сосудов и ваз во всех мыслимых ракурсах, бережно выводя каждый изгиб и постепенно прорабатывая мельчайшие детали росписи.

До своего перерождения он хватался за все подряд, накопив кучу разрозненных знаний, но ни в чем не достиг истинного мастерства. Чтобы пробиться на вершину керамического искусства, теперь требовалось приложить колоссальные усилия.

Но торопиться было некуда. Сейчас ему всего шесть лет — времени впереди предостаточно.

На второй неделе учебы начался прием заявок в школьные кружки. Для шестилетних первоклашек выбор будущего хобби казался задачей вселенского масштаба, и многие всерьез растерялись.

Не миновали эти терзания и Толстяка Су. Он уныло сидел рядом с Нин Сянланом, подперев щеку кулаком и тяжело вздыхая.

— Давай сходим на презентацию кружков и все разузнаем, — предложил Нин Сянлан. — Чего тут сидеть да гадать?

Сяо Шэн с готовностью закивал, обеими руками поддерживая эту идею.

Они отправились на выставочную площадку, где каждый кружок привлекал новичков яркими плакатами. Сяо Шэн тут же разинул рот от удивления, завороженный обилием выбора.

Нин Сянлан медленно прохаживался между стендами, разглядывая вывески с легкой ностальгией. В своей первой жизни он без раздумий выбрал кружок юных дикторов — в детстве ему безумно нравилось быть в центре внимания и пробовать все новое. Позже детская забава переросла в профессию. И хотя он искренне любил свою работу, со временем она потеряла былую прелесть, превратившись в рутину.

А после смерти отца карьерный рост и вовсе лишился для него всякого смысла.

Он и сам не заметил, как застыл перед стендом радиокружка, погрузившись в воспоминания. Из оцепенения его вывел голос Толстяка Су, который уже некоторое время пристально разглядывал друга.

— Хочешь записаться сюда? — спросил Сяо Шэн, указывая на плакат с микрофоном.

Нин Сянлан вздрогнул, а затем медленно покачал головой.

Какой смысл дважды ступать в одну реку? К тому же это неизбежно всколыхнуло бы воспоминания о былых временах — о горечи утраты, одиночестве и отчаянии, которые он изо всех сил старался забыть.

Нин Сянлан бросил на стенд прощальный взгляд и решительно зашагал дальше. У него уже было намечено конкретное направление — кружок при Сельскохозяйственной ассоциации.

Среди младшеклассников этот кружок пользовался дурной славой. Кому охота возиться в грязи, когда родители с пеленок пугают: «Будешь плохо учиться — пойдешь коровам хвосты

крутить»? Для изнеженных городских детей фермерство стояло на последнем месте в списке престижных занятий.

С началом массового оттока населения в города деревенские земли пустели на глазах. И если на плодородных равнинах северо-востока и юга централизованное ведение хозяйства еще хоть как-то развивалось, то в засушливых северо-западных и холмистых юго-западных регионах ситуация была плачевной. Местные почвы никогда не отличались богатством, а урожаи здесь испокон веков оставались скудными.

В прошлой жизни Нин Сянлану довелось вести передачу под говорящим названием «Утраченное величие аграрной державы». Готовя выпуски, он близко общался с энтузиастами, которые вопреки всему пытались поднять хозяйство на Северо-Западе. Больше всего ему запомнилась история одного пожилого профессора. Тот всю жизнь посвятил разработке инновационных инструментов для работы на высокогорных склонах. Вот только на родине его труды оказались никому не нужны. Зато зарубежные аграрии из стран со схожим ландшафтом ухватились за его патенты обеими руками, сделав изобретателя невероятно богатым человеком.

Это и было печальным подтверждением угасания некогда великой сельскохозяйственной отрасли — отечественное производство стагнировало, а в отдаленных провинциях и вовсе едва сводило концы с концами.

Вспомнив горькую, утомленную улыбку старого ученого, Нин Сянлан решил во что бы то ни стало записаться в этот кружок. Пусть сейчас он был всего лишь ребенком и мало чем мог помочь, но в будущем он надеялся разыскать профессора и поддержать его. Ведь нести свое бремя в полном одиночестве, пробиваясь сквозь стену непонимания и равнодушия, — слишком тяжелое испытание.

Нин Сянлан взял бланк заявления со стола Сельскохозяйственной ассоциации и повернулся к другу:

— Ну что, Сяо Шэн, определился?

Заметив, как быстро Сянлан заполняет анкету, Толстяк Су хлопнул себя по колену:

— О, я с тобой! Запишусь туда же!

— Лучше сначала спроси разрешения у отца, — покачал головой Нин Сянлан. Он подошел к соседнему стенду Автомобильной ассоциации и взял оттуда еще один бланк. — Ты ведь бредишь машинами? Посмотри сюда, это отличный вариант для тебя.

— Подумаешь! В неделе целых семь дней, я могу хоть во все кружки сразу записаться! — хвастливо заявил Сяо Шэн. — Главное, чтобы мы с тобой вместе ходили!

— Ладно, давай запишемся в оба, — согласился Нин Сянлан.

Толстяк Су радостно просиял:

— Ура! Отличная идея!

Вернувшись вечером домой, сияющий Сяо Шэн с порога подбежал к отцу и с гордостью продемонстрировал оба заявления.

Бросив взгляд на бланк Автомобильной ассоциации, Су Вэньфэн понимающе усмехнулся, но ничего не сказал. Однако стоило ему развернуть вторую бумагу со штампом Сельскохозяйственной ассоциации, как мужчина замер на месте.

Заметив, как резко переменялся в лице отец, Сяо Шэн встревожился и поспешил выложить свой главный козырь:

— Пап, Сяо Лан тоже туда записался! Мы будем ходить вдвоем, честное слово! Пожалуйста, подпиши!

Су Вэньфэн опомнился и ласково посмотрел на сына:

— Направления действительно интересные. Но уверен, что справишься с такой нагрузкой?

— Конечно, справлюсь! — обиделся Сяо Шэн. — Сяо Лан вообще на пять кружков записался, а я чем хуже?

Уловив в голосе сына забавные ревнивые нотки, Су Вэньфэн рассмеялся:

— Хорошо-хорошо, дерзай.

Тем же вечером они всей семьей отправились на ужин к бабушке. Стоило главе семейства заговорить о школе и расспросить внука об увлечениях, как Сяо Шэн, не таясь, выложил все свои планы.

Выслушав внука, старик нахмурился. Сквозь зубы выдавив дежурную похвалу, он сухо скомандовал:

— Что ж, похвально. А теперь давайте ужинать, остынет все.

Сразу после ужина старик велел сыну пойти к нему в кабинет. Заперев дверь, он смерил молчаливого Су Вэньфэна яростным взглядом и в сердцах воскликнул:

— Ты что, в могилу меня свести решил?!

Причина гнева крылась в прошлом. В юности Су Вэньфэн тоже грезил сельским хозяйством. Он даже нашел выдающегося наставника и планировал уволиться с Первого завода, чтобы открыть собственное дело по модернизации тракторов и комбайнов. Старик тогда так рассвирепел, что слег с тяжелейшим приступом. Су Вэньфэну пришлось разорвать все связи с учителем и покорно вернуться к семейному ремеслу.

Теперь же Су Вэньфэн пытался отстоять для сына право на свободу выбора, которой когда-то лишили его самого:

— Отец, Сяо Шэн еще ребенок. Пусть занимается тем, к чему лежит душа.

— Игрушки все это! — отрезал старик, чья былая ярость вспыхнула с новой силой. — Если он с малых лет начнет забивать голову посторонними вещами, то как унаследует твое дело? Автомобильный кружок — это еще куда ни шло, все-таки смежная отрасль нашей Ассоциации производственной промышленности Сичжоу. Пусть учится конструировать машины, пригодится. А вот это ваше садоводство-огородничество из головы выбросьте. Пусть сосредоточится на чем-то одном и не распыляет силы.

На Су Вэньфэна навалилась невыносимая тяжесть. Он чувствовал себя смертельно уставшим — и физически, и душевно.

Выйдя из душного отцовского дома на прохладный ночной воздух, Су Вэньфэн ласково положил руку на плечо притихшего сына:

— Пойдем-ка, Сяо Шэн. Навестим дядю Нина.

<http://bllate.org/book/20435/2167725>